

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

**ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ ГЕРМАНИИ
XX ВЕКА**

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Том первый
1880–1945

в двух книгах

Книга вторая

Литература Германии
между 1918 и 1945 годами

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2018

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-112-00019, не подлежит продаже.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-04-00008
«Литературный процесс в Германии XX века (течения и фигуры)»*

Ответственные редакторы-составители:

Т.В. Кудрявцева, В.Д. Седельник

Редакционная коллегия:

Е.А. Зачевский, А.А. Стрельникова, А.В. Елисева,
А.В. Ерохин, Т.А. Шарыпина, Н.И. Ковалев

Рецензенты:

доктор филологических наук А.Ф. Кофман,
кандидат филологических наук Е.А. Леонова

История литературы Германии XX века. Т. I. Кн. II — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 984 с.

Вторая книга первого тома «Истории литературы Германии XX века» посвящена литературе времен Веймарской республики и Третьего рейха. В труде рассматриваются основные проблемно-тематические и художественно-эстетические константы литературного процесса этих исторических периодов, а также исследуется содержательное и стилевое своеобразие основных течений, школ и групп, определявших картину литературного развития Германии того времени (модернизм, «новая деловитость», пролетарско-революционная литература, литература «консервативной революции», фёлькиш-национальная литература и др.) и находившихся в отношениях как взаимодополнительности, так и непримиримой оппозиции. Часть обзорных глав посвящена важным для той эпохи жанрам (радиопьеса, кабаре, детская литература и др.). Творчество писателей в монографических главах изучается в тесной связи с социокультурными реалиями тех лет, с учетом генезиса и воздействия на последующие поколения литераторов. Исследование проводится с привлечением историко-литературного контекста родственных немецкоязычных литератур. Показаны генетические связи и типологические параллели немецкой словесности с другими европейскими литературами. Труд предназначен для специалистов-филологов, а также для студентов и аспирантов, изучающих германистику и историю зарубежной литературы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Раздел первый

Литература времен Веймарской республики (1918–1933)

Особенности литературного процесса в Веймарской республике (А.А. Стрельникова)	9
Томас Манн (И.А. Эбанюидзе)	17
Генрих Манн (Г.В. Якушева)	56
Бертольт Брехт (Т.А. Шарытина)	77
Герман Гессе [В.Д. Седельник]	106
Ханс Хенни Янн (Н.С. Павлова, Т.Н. Васильчикова)	127
Поэзия (А.А. Стрельникова)	147
Литературные формы кабаре после 1918 года (Ю.В. Каминская)	153
Вальтер Меринг [В.Д. Седельник]	165
Проза (А.А. Стрельникова)	180
Эрих Мария Ремарк [В.Д. Седельник]	192
Лион Фейхтвангер (Г.В. Якушева)	211
Бернхард Келлерман (А.А. Стрельникова)	240
Драма и театр (А.А. Стрельникова)	262
Эрнст Толлер (А.А. Стрельникова)	273
Карл Цукмайер [В.Д. Седельник]	297
Становление жанра радиопьесы (А.А. Стрельникова)	316
Публицистика (А.А. Стрельникова)	329
Вальтер Беньямин (Р.В. Гуревич)	338
Пролетарско-революционная литература (А.А. Стрельникова)	355
Иоганнес Роберт Бехер (Т.Н. Андреюшкина)	379
Анна Зегерс [В.Д. Седельник]	394
Фридрих Вольф (Т.А. Шарытина)	412
Литература «консервативной революции» (А.В. Ерохин)	431
Эрнст Юнгер (Е.А. Зачевский)	452
«Новая деловитость» (А.А. Стрельникова)	472
Альфред Дёблин (Н.С. Павлова)	497
Оскар Мария Граф (А.В. Елисеева)	519
Маша Калеко [В.Д. Седельник]	532

Ганс Фаллада (<u>Л.С. Кауфман</u>), Н.С. Павлова)	541
Массовая и развлекательная литература (А.А. Стрельникова)	560
Детская литература (А.В. Добряшкина).	568

Раздел второй
Литература в годы нацистской диктатуры (1933–1945)

Литературная ситуация в Германии после прихода к власти национал-социалистов (Е.А. Зачевский)	585
--	-----

Официальная литература

Истоки официальной литературы Третьего рейха (Е.А. Зачевский)	601
Фёлькиш-национальная литература (Е.А. Зачевский).	611
Ганс Гримм (Е.А. Зачевский)	623
Эмиль Штраус (Е.А. Зачевский)	640
Агнес Мигель (Е.А. Зачевский).	650
Национал-социалистическая литература (А.В. Добряшкина)	660
Ханс Йост (Е.А. Зачевский).	686
Афашистская литература (Е.А. Зачевский)	707
Фридо Лампе (Е.А. Зачевский).	729

Оппозиционная литература

Литература «внутренней эмиграции» (Е.А. Зачевский)	745
Феликс Хартлауб (Е.А. Зачевский).	783
Эрнст Вихерт (Е.А. Зачевский).	794
Литература антифашистского подполья (Т.В. Кудрявцева)	816
Литература в изгнании (А.В. Добряшкина)	835
Теодор Пливье (А.В. Добряшкина)	865
Клаус Манн (Е.Н. Шевченко)	884
Детская и юношеская литература (А.В. Добряшкина) :	897
Серболужицкая литература (А.А. Гугнин)	925
Послесловие (А.В. Елисеева)	955
Указатель имен	963

ЛИТЕРАТУРА «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

У понятия «консервативная революция» (Konservative Revolution) богатая предыстория, которая восходит к рубежу XVIII–XIX вв., ко времени возникновения идеологии политического консерватизма, противостоявшей Французской революции с ее идеями просветительского либерализма и демократизма. В своих интеллектуальных истоках немецкая «консервативная революция» XX в., безусловно, была подготовлена еще «старым» немецким консерватизмом XIX в., восходящим к романтикам Новалису, Ф. фон Баадеру, Й. Гёррессу, А. Мюллеру и др. Именно поколение романтиков впервые очертило контуры по-своему знаменательной «реакционной утопии», суть которой, по А.В. Михайлову, состояла в утверждении патриархальности всего жизнеустройства, заключавшейся, в свою очередь, «в установлении гармонии межчеловеческих отношений через преодоление всех кризисных моментов, будь то в личных, будь то в социальных, производственных отношениях»¹. «Романтики-реакционеры», как и столетием позже «консервативные революционеры», отталкиваются от «падшей», испорченной, «отчужденной» реальности и возвращаются к идеализированной «старине» и к католическому традиционализму как средоточию изначальной истины и силы². Консервативная утопия романтизма с ее национально-народнической мифологией, культом «органического», охранительным увлечением «культурным наследием», идеализацией средневекового католицизма и монархических форм государственности (Пруссия и Бавария) была унаследована и, разумеется, существенно переработана применительно к новой исторической ситуации деятелями немецкой «консервативной революции» в двадцатые — тридцатые годы XX столетия.

В то же время, прямая преемственность между реакционным романтизмом и «консервативной революцией» теряется уже в годы Реставрации — в первую очередь потому, что некоторые романтики, такие, как Ф. фон Баадер и Й. Гёррес, в тридцатые-сороковые годы XIX в. сознательно заняли сторону Священного Союза в версии К. Меттерниха, то есть поддержали враждебные романтизму силы старого режима, ретроградные и реакционные в самом неутешительном смысле слова. Словосочетание «консервативная революция» выковывается в другом лагере — в революционно-демократической политической публицистике 1848 г., направленной против Реставрации и Священного Союза. Так, Ф. Энгельс использовал его, критикуя польский мятеж 1830 г., в своей речи 22 февраля 1848 г. в Брюсселе, посвященной второй годовщине Краковского восстания³. О «консервативной революции» в связи с Россией говорится в двухтомной книге немецкого врача и путешественника А. Буддеуса «Россия и современность» («Rußland und die Gegenwart»), вышедшей анонимно в Лейпциге в 1851 г.⁴

¹ Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков / Сост. А.В. Михайлов. М., 1987. С. 14.

² См., в частности: Медоваров М. Германия или Европа // <http://politconservatism.ru/articles/germaniya-ili-evropa> (Обращение к Интернет-ресурсу 10.06.2016).

³ «Скажем прямо: восстание 1830 г. не было ни национальной революцией (оно оставило за бортом три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменило во внутреннем положении народа; это была консервативная революция» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1955. С. 492).

⁴ Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland. 1918–1932. Ein Handbuch. 1989. S. 9.

Затем идея «консервативной революции» переключается в Россию, в статью поздних славянофилов Ф. Дмитриева и Ю. Самарина «Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева “Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)”», 1875. В этой работе «революционный консерватизм» отставного генерала Фадеева в действительности подвергся критике, поскольку Самарин усматривал в «консервативной революции» попытки усилить роль «аристократии при известном ограничении центральной бюрократической машины, а тем самым и монархической власти»⁵. Критическая реплика на книгу Фадеева содержится и в «Дневнике писателя» Достоевского, что, вкупе с распространенным мнением об известной «реакционности» политических убеждений русского писателя, дало впоследствии, в частности, известному публицисту консервативно-националистического толка А. Мёллеру ван ден Бруку (Arthur Moeller van den Bruck, 1876–1925) повод причислить Достоевского к предтечам немецкой «консервативной революции»⁶.

Мёллер ван ден Брук не так уж далек от истины: в «Дневнике писателя» Достоевский несколько раз сближает революцию и консерватизм. В одном случае консервативным революционером оказывается Белинский:

Белинский, например, страстно увлекавшийся по натуре своей человек, примкнул, чуть не из первых русских прямо к европейским социалистам, отрицавшим уже весь порядок европейской цивилизации, а между тем у нас, в русской литературе, воевал со славянофилами до конца, по-видимому, совсем за противоположное. Как удивился бы он, если бы те же славянофилы сказали ему тогда, что он-то и есть самый крайний боец за русскую правду, за русскую особь, за русское начало, именно за все то, что он отрицал в России для Европы, считал басней, мало того: если бы доказали ему, что в некотором смысле он-то и есть по-настоящему консерватор, — и именно потому, что в Европе он социалист и революционер?⁷

В другом месте уникальную «революционную консервативность» Достоевский обнаруживает в русском национальном характере:

Да и сама Европа, может быть, вовсе несправедлива, осуждая русских и смеясь над ними за революционерство: мы, стало быть, революционеры не для разрушения только, там, где не строили, не как гунны и татары, а для чего-то другого, чего мы пока, правда, и сами не знаем (а те, кто знает, те про себя таят). Одним словом, мы — революционеры, так сказать, по собственной какой-то необходимости, так сказать, даже из консерватизма⁸.

«Революционный консерватизм» Достоевского повлиял на Мёллера ван ден Брука через Д.С. Мережковского (1865–1941), с которым немецкий автор познакомился в 1906 г. в Париже. Работая вместе с Мережковским и Д.В. Философовым над немецким собранием сочинений Достоевского (1906–1922), Мёллер ван ден Брук связал христианско-православное представление о «Третьем Риме» или «Третьем Царстве» (Иоахим Флорский) с немецкой национальной идеей, дав впоследствии богатую пищу для расистских и шовинистических спекуляций на тему «Третьего рейха».

⁵ Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 69.

⁶ См.: Алленов С.Г. Артур Мёллер ван ден Брук: «Русский след» в родословной немецкого «революционного консерватизма» // <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/01-04.htm>. (Обращение к Интернет-ресурсу 10.06.2016).

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 2010. С. 364.

⁸ Там же. С. 368–369.

Консервативная революция в Германии опиралась не только на собственные и русские философские и религиозно-консервативные основания. Известное воздействие на умы немецких революционных консерваторов оказали труды авторов из Франции, этого, в то время, «заключенного врага» Германии. Так, в книге «Исследование монархии» («Enquête sur la monarchie», 1900) французского писателя и политика рубежа XIX–XX вв. Ш. Моррасса «консервативная революция» приобретает, в отличие от предшествующих европейских авторов, однозначно позитивную окраску как радикальная реставрация традиционного общественного устройства силами активного и хорошо организованного меньшинства, прежде всего чиновничества и армии⁹. Другим французом, повлиявшим на самых радикальных немецких консервативных революционеров, был Жорж Сорель с его «Размышлениями о насилии» (1908).

В первое десятилетие XX в. в кайзеровской Германии идеи и образы, тематически близкие «консервативной революции», курсировали в объединении поэтов и интеллектуалов, получившем известность как «круг Георге». Не употребляя обозначения «консервативная революция», сам «Мастер» и его ученики — Э. Бертрам (Ernst Bertram, 1884–1957), Ф. Вольтерс (Friedrich Wolters, 1876–1930), К. Вольфскель (Karl Joseph Wolfskehl, 1869–1948), Ф. Гундольф (Friedrich Gundolf, 1880–1931), Э. Канторович (Ernst Hartwig Kantorowicz, 1895–1963), М. Коммерелль (Max Kommerell, 1902–1944), — разрабатывали комплекс представлений, позднее вошедших в состав идейного наследия «консервативной революции». А.В. Михайловский справедливо выделяет три ведущих принципа «круга Георге», впоследствии повлиявших на представителей «консервативной революции», — Ф.Г. Юнгера, Г. Небеля и др. Это идея ордена избранных (в форме союза или «рейха» и т.д.), образ поэта как вождя и воспитателя и готовность к господству и послушанию превосходящей (в духовном, ценностном отношении!) власти¹⁰. Отметим, что «эстетический фундаментализм» или «эстетический цезаризм» круга Георге, строго говоря, не уникален: «авторитарные», «имперские» жесты позволяли себе в то время австриец Гофмансталь и глава поэтического объединения «Харон» («Charon») О. цур Линде¹¹.

Другой философско-литературный кружок, «Космики» (Kosmikerkreis, 1899–1904), также внес значительный вклад в позднейшее формирование идей «консервативной революции». Среди «космиков» к предтечам «консервативной революции» можно отнести А. Шулера (Alfred Schuler, 1865–1923) и Л. Клагеса (Ludwig Klages, 1872–1956). Шулер, при жизни не издавший ни одной книги, испытал сильное влияние гностицизма, Ибсена, Бахофена и Ницше; поклонник римского «цезаризма» и язычества, автор неоконченного романа об императоре Нероне, он был также известен своими занятиями символикой солярных символов (в том числе свастики) под знаком мистической «регенерации» древней языческой мифологии¹². Работы Клагеса (прежде всего «Дух как противник души» / «Der Geist als Widersacher der Seele», 1929–1932) высоко ценились «консервативными революционерами» за содержащую

⁹ См. подр.: Руткевич А.М. Политическая доктрина Ш. Моррасса // Руткевич А. М. Консерваторы XX века. М., 2006. С. 10–65; Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche — Action française, Italienischer Faschismus, Nationalsozialismus. München, 1963. S. 179.

¹⁰ См.: Михайловский А.В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // Вопросы философии, 2013. № 5. С. 149–160.

¹¹ См. подр.: Ерохин А.В. Группа Харон // История литературы Германии XX века. Т. 1. 1880–1945. М., 2016. С. 806–822.

¹² Schuler A. Dichtungen. München, 1930; Ders. Fragmente und Vorträge aus dem Nachlaß. Leipzig, 1940.

юся в них критику просветительского рационализма, капитализма и современной культуры.

Но подлинную популярность понятие «консервативная революция» приобрело в Германии после окончания Первой мировой войны, прежде всего как выражение веры в духовное возрождение немецкой нации в начале XX в.

28 июня 1919 г., в день подписания Версальского договора, Мёллер ван ден Брук и другие «младоконсерваторы»¹³ (политик, социолог и публицист М.Х. Бём, публицист Г. фон Глейхен-Руссвурм), основным экзистенциальным и эстетическим импульсом для формирования революционного национализма которых послужило переживание начала мировой войны, основали так называемый «Июньский клуб» («Juniklub», 1919–1924). Версальский договор был воспринят многими немцами как несправедливый и унижительный для Германии. В этой связи важнейшей задачей Июньского клуба стала борьба против «духа Версаля». Другим идейным противником младоконсерваторов являлось левое движение в Германии: назвав новый клуб «Июньским», его основатели метили в республиканское «Объединение молодых чиновников Министерства иностранных дел» («Vereinigung der jüngeren Beamten im Auswärtigen Amt»), именовавшееся также «Ноябрьским клубом»¹⁴.

Одной из книг, вдохновлявших деятелей Июньского клуба, было первое издание «Размышлений аполитичного» («Betrachtungen eines Unpolitischen», 1918) Т. Манна¹⁵. В «Размышлениях аполитичного» содержится ряд идей, вскоре ставших ключевыми для «консервативной революции». Это представление об особом, «срединном» пути немецкой нации, находящейся между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. Немецкое «народное государство» будущего у Манна обнаруживает черты утопического «органического строя», воспетого еще немецкими романтиками.

В 1921 г. в своей статье «Русская антология» («Russische Anthologie») Т. Манн использует и сам термин «консервативная революция». Ее истоком является для писателя, в частности, религиозный опыт «священной русской литературы», помноженный на критическую философию Ницше и мечту о «Третьем царстве» у Мережковского и в трагедии Ибсена «Кесарь и Галилеянин»¹⁶. «Третье царство» (das dritte Reich), по Манну, есть «синтез просвещения и веры, свободы и оков, духа и плоти, “Бога” и “мира”»¹⁷ и, в политическом смысле, консерватизма и революции¹⁸. В русском переводе, помещенном в «Аристократии духа», фрагмент из «Русской антологии», где сближаются консерватизм и революция, отсутствует. Вот этот фрагмент, непосредственно следующий за приведенной выше характеристикой синтеза как «третьего царства» (в понимании Ницше), в нашем переводе:

¹³ Это выражение также введено в оборот Армином Молером: *Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland. S. 130f.*

¹⁴ О «Ноябрьском клубе» осталось мало сведений. См., в частности: *Grupp P. Deutsche Außenpolitik im Schatten von Versailles 1918–1920. Paderborn, 1988. S. 15; Burger R. Theodor Heuss als Journalist. Münster, 1999. S. 226.*

¹⁵ См.: *Schlüter A. Moeller van den Bruck. Leben und Werk. Köln, 2010. S. 303–305.*

¹⁶ См.: *Манн Т. Аристократия духа / Сост., предисловие, общая редакция И. Эбаноидзе. М., 2009. С. 75.*

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Mann Th. Russische Anthologie // Mann Th. Aufsätze. Reden. Essays. Bd. 3. 1919–1925. Berlin; Weimar, 1986. S. 93.*

Это, выражаясь художественно, синтез чувственности и критицизма, в политическом смысле — синтез консерватизма и революции. Ведь консерватизму достаточно лишь толики духа, чтобы стать революционнее, чем какое-нибудь позитивистски-либералистическое Просвещение, и сам Ницше в своих истоках, уже в «Несвоевременных размышлениях», был не чем иным, как консервативной революцией¹⁹.

Очевидно, что в данном случае речь идет о разных редакциях одной и той же статьи Томаса Манна, поскольку перевод «Русской антологии» делался по изданию 1955 года, выпущенному тем же издательством «Ауфбау» («Aufbau-Verlag»)²⁰.

Летом 1920 г. Манн пишет письмо одному из деятелей Июньского клуба Г. фон Глейхен-Руссвурму, в котором, в частности, дает высокую оценку выпускаемому при участии Июньского клуба национально-консервативному журналу «Совесть» («Gewissen», 1920–1927) и особо подчеркивает, что является его подписчиком. Т. Манн также посещал собрания Июньского клуба, хотя и не смог на длительное время снизить симпатий у его членов, тем более что уже с 1922 г. его политические взгляды все больше сдвигались в сторону демократии²¹.

В 1923 г. выходит в свет главная книга А. Мёллера ван ден Брука «Третий рейх» («Das dritte Reich»), в которой дается политическое истолкование консервативной революции как немецкой националистической революции, призванной исправить ошибки первой, социалистической революции 1918 г.²² Особое место в рассуждениях Мёллера ван ден Брука занимает «пруссский стиль», ставший одним из краеугольных камней как консервативно-революционной, так и национал-социалистической идеологии. Здесь Мёллер ван ден Брук сближается с неоклассицистом П. Эрнстом (Paul Ernst, 1866–1933), еще во время Первой мировой войны написавшим пропагандистскую драму «Пруссский дух» («Preußengeist», 1915) и впоследствии, в 1920-е — начале 1930-х годов близко стоявшим к деятелям «консервативной революции»²³.

Несколько иной взгляд на истоки и смысл консервативной революции предлагает австриец Х. фон Гофмансталь в речи «Письменность как духовное пространство нации» («Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation»), произнесенной 10 января 1927 г. в университете Мюнхена. Гофмансталь сопоставляет две нации, французскую и немецкую, причем это сравнение, что весьма нехарактерно для тогдашней почти повсеместной немецкой франкофобии, сначала оборачивается в пользу Франции. Если «литература французов — залог их действительности»²⁴, то в Германии плодотворный «круговорот духовного и общественного»²⁵ не сложился из-за упорного противодействия некоего «глубочайшего инстинкта» немецкого сознания, который, по Гофмансталью, не может быть выражен в одном лишь «конвенциональном» представлении о литературе, как это получилось у французов²⁶. Отдельных носителей этого инстинкта

¹⁹ Ibidem.

²⁰ По сообщению редактора «Аристократии духа» И. А. Эбаноидзе.

²¹ См. подробнее: Schlüter A. Moeller van den Bruck. Leben und Werk. S. 303–305.

²² См.: Васильченко А.В. Мёллер ван ден Брук А. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009.

²³ О параллелях между неоклассицизмом П. Эрнста и некоторыми мотивами «консервативной революции» см.: Кудрявцева Т.В. Неоклассицизм // Литературный процесс в Германии на рубеже XIX–XX веков (течения и направления). М., 2014. С. 272, 277.

²⁴ Гофмансталь Г. фон. Избранное / Пер. Ю.И. Архипова. М., 1995. С. 745.

²⁵ Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke: In 10 Bdn. Frankfurt a.M., 1979. Bd 3. S. 28.

²⁶ Ibid., S. 29.

«продуктивной анархии»²⁷, порождающего исконные для немца духовное беспокойство и разобщенность, Гофмансталь называет, вслед за Ницше в «Несвоевременных размышлениях», «искателями» (Suchende)²⁸. Вечное стремление одиноких, проблематичных натур противостоит самодовольной успокоенности «филистеров от образования» (Bildungsphilister), видящих в культуре не вызов и риск, а систему «духовного обладания» (geistige Besitzordnung)²⁹.

Гофмансталь набрасывает еще один портрет своего современника-немца, на первый взгляд полностью противоположный типу «искателя». Это фигура «служителя» (Dienender), ученого, посвятившего себя познанию и охранению традиции³⁰. Если в первом типе Гофмансталь усматривает прежде всего волю к власти, то во втором — волю к служению. По сути, носители этих двух импульсов и составляют основное ядро письменности «консервативной революции». Сам Гофмансталь под консервативной революцией понимал синтез, удавшийся в свое время классическому романскому духу, главным образом Франции, — единение жизни и духа, взаимопроникновение культуры и политики, что и должно привести к становлению подлинной нации³¹. Этот синтез у Гофманстала предстает как мощное движение против духовного переворота XVI в., против Ренессанса и Реформации одновременно. Его конечная цель — «форма, новая немецкая действительность, в которой могла бы принять участие вся нация»³².

Речь Гофманстала можно считать программой немецкой «консервативной революции» и в то же время первой попыткой ее интеллектуального анализа. Кроме важного для нас выделения двух типов носителей консервативно-революционного сознания следует напомнить о специфическом «нефикциональном» характере этого движения, точнее — неконвенциональном, неклассическом характере многих (но не всех) его художественных текстов. Оба «крыла» консервативно-революционного движения отталкиваются от жанрового мышления в литературной поэтике, но действуют разными путями: если «искатели» намеренно взламывают формы литературной условности ради социально-политической, экзистенциальной «злобы дня», то «служители» в своей ученой, исторической и филологической практике с этой же целью воскрешают старые «прикладные» виды литературной деятельности, совмещая науку, публицистику и художественное творчество в таких формах, как трактат, публичная речь и лекция, эссе, письмо. Так в рамках литературной деятельности «консервативной революции» формируется движение, получившее позднее характеристику «мировоззренческая литература» (Weltanschauungsliteratur).

После речи Гофманстала термин «консервативная революция» окончательно закрепляется в немецкой публицистике. В конце 1920-х — первой половине 1930-х годов размышления Гофманстала о консервативной революции подхватывают, в частности, известный литературовед Пауль Клуххohn (1886–1957)³³, а также писательница Р. Хух (Ricarda Huch, 1864–1947), на рубеже XIX и XX вв. бывшая одной из центральных фигур неоромантического движения в немецкой литературе. В докладе «Немец-

²⁷ Ibid. S. 31.

²⁸ Ibid. S. 29–30.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. S. 34.

³¹ Ibid. S. 40–41.

³² Ibidem.

³³ Kluckhohn P. Die konservative Revolution in der Dichtung der Gegenwart // Zeitschrift für deutsche Bildung. IX (1933). S. 177–190.

кая традиция» («Deutsche Tradition»), прочитанном весной 1931 г., Р. Хух причисляет к представителям консервативной революции И.В. Гёте, немецкого историка и публициста XVIII в. Юстуса Мёзера (Justus Möser, 1720–1794), прусского реформатора барона фон Штейна (Heinrich Friedrich Karl Reichsfreiherr vom und zum Stein, 1757–1831), швейцарского писателя И. Готхельфа (Jeremias Gotthelf, 1797–1854), социал-демократа Фердинанда Лассалья (1825–1864) и русского анархиста Михаила Бакунина³⁴. Социально-политическое и эстетическое толкование консервативной революции дополняется здесь идеями «философии жизни» рубежа XIX–XX вв., представленной прежде всего Ф. Ницше и Г. Зиммелем. Дуализм живого и мертвого, органического и механического, динамики и статики, присущий философии жизни, находит свое продолжение как у Р. Хух, так и у многих других консервативных революционеров того времени³⁵.

В 1932 г. близкий к национал-социализму публицист Э.Ю. Юнг (Edgar Julius Jung, 1894–1934) дает расширенное определение немецкой консервативной революции, которое можно считать основополагающим для понимания ее ценностей и целей:

Консервативной революцией мы называем восстановление уважения к тем элементарным законам и ценностям, без которых человек теряет связь с природой и Богом и не способен выстроить истинный порядок. Духовная ценность занимает место равенства, социальная ангажированность заменяется справедливой и осознанной причастностью к иерархически выстроенному обществу, механический выбор отступает перед органически выпестованной волей вождя, внутренняя ответственность подлинного самоуправления оказывается сильнее бюрократического принуждения, право подлинной общности народа торжествует над счастливыми массами³⁶.

Любопытно, что фактически подготовив в интеллектуальном отношении политическую победу гитлеризма, значительное большинство деятелей консервативной революции после 1933 г. не захотело подчиниться нацистскому организационному диктату. Об этом говорит, например, отсутствие в списке восьмидесяти восьми писателей, подписавших в октябре 1933 г. «Клятву верности» («Gelöbniß treuester Gefolgschaft») Адольфу Гитлеру, литераторов, обычно причисляемых к «консервативной революции», — С. Георге, Р. Борхардта (Rudolf Borchardt, 1877–1945), Э. Юнгера (Ernst Jünger, 1895–1998) и Ф.Г. Юнгера (Friedrich Georg Jünger, 1898–1977), Э. фон Заломона (Ernst von Salomon, 1902–1972), Ф. Хильшера (Friedrich Hielscher, 1902–1990), Э. Вихерта (Ernst Wiechert, 1887–1950). В большинстве случаев их ждала судьба «внутренних эмигрантов». Нацисты фактически покончили с консервативно-революционным движением, присвоив и исказив многие его идеи и заставив замолчать многих его представителей.

Термин «консервативная революция» был возрожден после 1945 г. сначала в немецкой, а затем и в зарубежной истории, политологии и социологии благодаря книге личного секретаря Э. Юнгера Армина Молера «Консервативная революция в Германии» («Die konservative Revolution in Deutschland», 1950). Этим словосочетанием была обозначена совокупность разнообразных, порой антагонистичных группировок и движе-

³⁴ Huch R. *Deutsche Tradition* // Huch R. *Gesammelte Werke* / W. Emrich, B. Balzer. Köln, 1966–1974. Bd. V. S. 811.

³⁵ На близость идейного комплекса «консервативной революции» и «философии жизни» указывает К. Брунс в работе, посвященной Р. Хух: *Brunns C. Ricarda Huch und die Konservative Revolution* // *WerkstattGeschichte* 25/9. 2000. S. 9.

³⁶ *Jung E.J. Deutschland und die Konservative Revolution* // *Deutsche über Deutschland* / E.E. Jung. München, 1932. S. 380.

ний пронационалистического, антизападного, антилиберального и антидемократического направления, проявивших себя в годы Веймарской республики (1918–1932). Постепенно о «консервативной революции» стали говорить не только в контексте социально-политической истории Германии, но и в связи с историей ее литературы³⁷.

А. Молер и литературовед П. Фехтер, сами являвшиеся участниками консервативно-революционного движения, после 1945 г. поставили вопрос о «консервативной революции» как о важном и влиятельном направлении немецкой духовной жизни двадцатых-тридцатых годов XX в., а также с самого начала предельно расширили спектр писателей, причисляемых к «консервативной революции», включив в него, в частности, представителей литературы «крови и почвы» и «внутренней эмиграции»³⁸.

Фехтер также по-своему установил дату начала «революции справа»: это август 1914 г., ознаменованный в Германии практически всеобщим энтузиазмом по поводу объявления мировой войны³⁹. Его отсчет «консервативных революционеров» начинается с «поколения военной лирики» 1914–1915 гг. В целом это поэты экспрессионистского поколения, объединяемые Фехтером лишь по одному критерию — безусловного приятия войны как средства «национального освобождения» немцев. Это Э. Штадлер (Ernst Maria Richard Stadler, 1883–1914), В. Флекс (Walter Flex, 1887–1917)⁴⁰, а также близкие к экспрессионизму «рабочие поэты» К. Брёгер (Karl Bröger, 1886–1944), Г. Лерш (Heinrich Lersch, 1889–1936), Г. Энгельке (Gerrit Engelke, 1890–1918) и поэты, погибшие на фронте слишком рано, чтобы быть причисленными к какому-либо направлению (О. Браун / Otto Braun, 1897–1918).

К «консервативным революционерам» Фехтер также относит литераторов «народнического» и «почвеннического» направления (Г. Гримм, Р.Г. Биндинг и др.⁴¹), многие из которых взяли на вооружение реакционно-расистские теории Хьюстона Стюарта Чемберлена, Пауля Лагарда и Юлиуса Лангбена.

Литературная деятельность «консервативной революции» разворачивалась в различных кружках на территории всей Германии. Берлинский «Июньский клуб», о котором уже говорилось выше, после смерти Мёллера ван ден Брука превратился в более широкое «Движение Кольца» («Ring-Bewegung»). В рамках этого движения был сформирован «Политический семинар» («Das Politische Kolleg», 1920–1933), в котором активное участие принимали политики, ученые и публицисты консервативно-националистического направления М. Шпан (Martin Spahn, 1875–1945), Э. Штадтлер (Eduard Stadler, 1886–1945) и др. Берлинский журнал «Совесть» сменился журналом «Кольцо» («Der Ring», 1928–1943). В милитаристской организации ветеранов Первой мировой войны «Стальной шлем» («Der Stahlhelm», 1918–1935) активно сотрудничали Э. Юнгер и Ф. Шаувекер (Franz Schauwecker, 1890–1964), издававшие журнал «Ди штандарте» («Die Standarte», 1925–1929). Э. Юнгер работал и в других праворадикальных журналах (например, «Арминий», «Arminius», 1926–1927; «Сопrotивление», «Widerstand», 1926–1934; «Наступление», «Vormarsch», 1928–1930). Со своим братом Ф.Г. Юнгером,

³⁷ Впервые о литературной составляющей «консервативной революции» написал уже А. Молер: *Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland*. S. 18–19, 315–319.

³⁸ Помимо уже известной книги Молера речь здесь идет о двухтомной «Истории немецкой литературы» Фехтера (*Fechter P. Geschichte der deutschen Literatur*: In 2 Bdn. Bd. 2. Die Literatur des XX. Jahrhunderts. Güntersloh, 1960).

³⁹ *Fechter P. Geschichte der deutschen Literatur*. S. 216.

⁴⁰ *Ibid.* S. 217–219.

⁴¹ *Ibid.* S. 232–243.

а также другими политическими публицистами — Ф. Хильшером, Э. Никишем и Э. фон Заломоном Юнгер образовал свой собственный центр «младоконсервативного» движения в Берлине.

В Йене в издательстве О. Дидерикса (Eugen Diederichs), симпатизировавшем в то время правым, журналист Ханс Церер превратил известный журнал «Дело» («Die Tat», 1909–1944) в один из важнейших органов «консервативной революции». В Гамбурге действовал кружок Вильгельма Штапеля, издававшего антисемитский журнал «Немецкая народность» («Deutsches Volkstum», 1918–1933) и способствовавшего «правому повороту» в деятельности гамбургского «Ганзейского издательства» («Hanseatische Verlagsanstalt», 1893–1945)⁴². В Мюнхене развернул свою деятельность Эдгар Юлиус Юнг, автор известной в свое время радикально-националистической книги «Господство неполноценных, его распад и уничтожение» («Die Herrschaft der Minderwertigen, ihr Zerfall und ihre Ablösung», 1927). С Юнгом сотрудничал известный немецкий географ, один из основателей геополитики Карл Хаусхофер (1869–1946). В Лейпцигском университете под руководством философа и социолога Ханса Фрайера (1887–1969) возникла так называемая «Лейпцигская школа» социологии, которую также можно считать одним из «очагов» консервативной революции и куда, кроме Фрайера, входили такие известные ученые, как Арнольд Гелен (1904–1976) и Хельмут Шельски (1912–1984). Наконец, с начала 1920-х годов усиление консервативно-революционных аспектов прослеживается в таких работах известного юриста Карла Шмитта, как «Политическая теология» («Politische Theologie», 1922), «Римский католицизм и политическая форма» («Römischer Katholizismus und politische Form», 1923), «Понятие политического» («Der Begriff des Politischen», 1927) и др.

В целом в конце 1920-х — начале 1930-х годов в Германии сформировалась густая и весьма эффективная сеть консервативно-революционных кружков, журналов и издательств, последовательно внедрявших радикально-националистические идеи в общественное сознание и объективно способствовавших победе нацистов. В этом направлении, помимо уже названных, работали издательства «Ланген Мюллер» («Langen Müller Verlag», с 1932), «Леман» («J. F. Lehmann Verlag», 1890–1979), «Издательство Лудендорфа» («Ludendorffs Verlag», 1931–1940) в Мюнхене, а также «Кёлер» («Koehler») и «Адольф Кляйн» («Adolf Klein») в Лейпциге, «Герхард Шталлинг» («Gerhard Stalling», 1789–1983) в Ольденбурге, «Фоггенрайтер» («Voggenreiter», с 1919 г.) в Потсдаме, «Фрундсберг» («Frundsberg») и «Сопrotивление» («Widerstand», 1926–1935) в Берлине.

Многообразию и пестроте издательского ландшафта «консервативной революции» соответствует ее эстетика, не являющаяся чем-то неизменным и монолитным; ее принципы менялись со временем, порой весьма радикально, сталкивая ее создателей с парадоксами и противоречиями. Энтузиазм, охвативший значительную часть немцев в начале Первой мировой войны, был воспринят многими писателями как начало «немецкой революции» против «старых» европейских наций — французской и английской. Жертвы, понесенные Германией на полях «антибуржуазной» Первой мировой войны, не могли быть напрасными: кровь убитых напоминала о себе, требовала искупления в виде продолжения войны и революции. К «духу 1914» в 1919 г. добавился «дух Версаля», который отождествлялся консервативными революционерами с либерально-буржуазной, прозападной Веймарской республикой. Отмена Версальского договора отныне отождествлялась с уничтожением Веймарской республики. Веймарская

⁴² Об истории «Ганзейского издательства» см.: Lokatis S. Hanseatische Verlagsanstalt: politisches Buchmarketing im «Dritten Reich». Frankfurt a.M., 1992.

республика воспринималась консервативными революционерами как «междущарствие» (*Interregnum*), как нечто изначально чуждое немецкому духу. К «позору Версаля» затем добавился шок от Локарнских соглашений (1925) и вступления Германии в Лигу Наций (1926), что в глазах консерваторов символизировало окончательный отказ Германии от своей миссии как «государства середины» и поворот в сторону ненавистного Запада⁴³.

Первая мировая война и послевоенный кризис радикализировали консерватизм, сделав его иррациональным, воинствующим, пренебрегающим правовыми установками. Послевоенные «консервативные революционеры» мыслили и действовали в правовом вакууме, в положении, когда прежние «мирные» организационные формы немецкой общественной жизни (монархия, партийная система, парламент, церковь), кроме армии, были дискредитированы. В то же время консервативные авторы вынуждены были иметь дело с явлениями, мало знакомыми «традиционным» консерваторам — проблемами массы и техники, которые к тому времени стали центральными вопросами общественной жизни, культуры и искусства.

Одной из важных проблем, имевших политическое, морально-религиозное и эстетическое значение для революционных немецких националистов, была проблема нигилизма. Нигилизм описывался как преобладающее настроение «переходной эпохи» или веймарского «междущарствия» двадцатых годов. Нигилизм мыслился национально: существовал нигилизм «французский», вызванный усталостью и пресыщенностью, и нигилизм «русский», происходящий от полноты и бесконечности сил. Был и свой, «немецкий» нигилизм, который обнаруживали то в протестантизме, то в Гегеле как выразителе «прусской идеи», то в политической утопии «рейха», то в анархистах, социалистах и коммунистах. Предельным выражением немецкого праворадикального нигилизма двадцатых А. Молер считает первую редакцию «Рискующего сердца» («*Das abenteuerliche Herz*», 1929) Э. Юнгера. В этом же ряду — «Прорыв в рейх» («*Durchbruch ins Reich*», 2011⁴⁴) и «Взрывчатка» («*Sprengstoff*», 1930) Ф.В. Хайнца (*Friedrich Wilhelm Heinz*, 1899–1968), «Немцы в одиночестве» («*Deutsche allein*», 1931) Ф. Шаувекера, «Мятежники во имя чести» («*Rebellen um Ehre*», 1932) Г. Фолька (*Herbert Volck*, 1894–1944), «Город» («*Die Stadt*», 1932) Э. фон Заломона⁴⁵.

Тип немецкого послевоенного нигилиста, порожденного одновременно «достоевщиной», нищестанством и особой механистической бездушностью современного большого города, превосходно описан Ф.Г. Юнгером в книге мемуаров «Зеркало лет» («*Spiegel der Jahre*», 1958), посвященной рубежу двадцатых — тридцатых годов. У Юнгера немецкий нигилист назван «десперадо», «отчаявшимся», имеющим в своем распоряжении малое количество средств и поэтому испытывающим нехватку времени и терпения⁴⁶.

Юнгеровское описание «отчаявшегося» подпольного немецкого нигилиста, склонного к лихорадочной, безрассудной подрывной активности, объединяет характери-

⁴³ Dupuis L. Die Intellektuellen der «Konservativen Revolution» und ihr Einfluß zur Zeit der Weimarer Republik // *Völkische Bewegung — Konservative Revolution — Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur* / W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden, 2005. S. 5.

⁴⁴ «Прорыв в рейх» печатался в конце двадцатых годов отдельными выпусками в одной из региональных немецких газет. Отдельной книгой этот автобиографический роман, рассказывающий преимущественно о событиях Первой мировой войны, вышел в свет лишь в 2011 г. См.: *Heinz F.W. Durchbruch ins Reich* / M.R. Heinz. Beltheim-Schnellbach, 2011.

⁴⁵ Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland. S. 95.

⁴⁶ См.: *Jünger F. G. Spiegel der Jahre. Erinnerungen*. München, 1958. S. 95.

стики, данные немецкому сознанию Х. фон Гофмансталем в речи «Письменность как духовное пространство нации» и М. ван ден Бруком в очерках, написанных еще до Первой мировой войны и посвященных деятелям немецкой культуры. Эти очерки были собраны после его смерти в книге «Вечный рейх. Немцы» («Das Ewige Reich. Die Deutschen», 1934). Мёллер ван ден Брук делит «творческих немцев» на натуры «проблематичные» (Problematiker) и «энергичные» (Energetiker). Оба эти «прометеевских» типа обрели свои контуры в Германии и Северной Европе благодаря протестантизму; если шекспировский Гамлет воплощает принцип проблематичности, то «энергичное» начало концентрируется в докторе Фаусте⁴⁷.

«Немецкая характерология» Мёллера ван ден Брука в новых условиях продолжается Ф.Г. Юнгером, который усиливает в ней влияние Достоевского и Ницше. О значении Достоевского для немецкого интеллектуального климата двадцатых — начала тридцатых, в том числе для деятелей и авторов консервативной направленности, Ф.Г. Юнгер пишет следующим образом:

Тогда из всех русских авторов Достоевского читали больше всех остальных, больше чем Пушкина, Гоголя, Толстого или кого-нибудь еще, больше чем американцев, англичан или французов <...>. Это внимание к Достоевскому не случайно; здесь, похоже, имело место сходство участи, которое необходимо было исследовать. <...> Ключевым романом считались «Бесы». <...> Старец Зосима, Алеша, князь Мышкин были не так легко узнаваемы, хотя свет, исходивший от этих фигур, соотносился с тьмой тех героев, которых усердно изучали⁴⁸.

Нигилистическое праворадикальное «подполье», несколько отстраненно описанное его бывшим участником Ф.Г. Юнгером, питалось не только образами Достоевского, но и идеями Ницше. Воздействие Ницше на эстетику «консервативной революции» глубоко и многообразно, оно охватывает как специальные работы, посвященные Ницше, так и заимствование идей и образов его философии. Ницше выступил связующим звеном между «молодежным движением» (Jugendbewegung) рубежа XIX–XX вв. и радикальным национализмом в эпоху Веймарской республики. На консервативно-революционных авторов (Э. Бертрам, А. Боймлер, Ф.Г. Юнгер) — Ницше повлиял прежде всего своей мифологией антихристианского «имманентного искупления». Консервативно-революционные истолкователи Ницше соединяют Диониса и германского Бальдура в новой, нигилистической мифологии «вечного возвращения». Свое движение консервативные революционеры определяют, и здесь следуя за Ницше, как эпохальный «поворот», как переход от христианского, трансцендентного в своих принципах «эона» к эону языческому и имманентному⁴⁹.

Ницшеанская и нигилистическая мифология имманентного искупления и вечного возвращения отражается на различных уровнях литературной поэтики «консервативной революции». Прежде всего, «энергичный» характер немецкого праворадикального нигилизма сказывается в военной тематике. Как уже говорилось, немецкие консервативные революционеры разделяли представление о мировой войне как об очистительной, освобождающей силе, свойственное многим представителям экспрессионистско-

⁴⁷ Moeller van den Bruck A. Das Ewige Reich. Die Deutschen / H. Schwarz. II. Bd. Die geistigen Kräfte. Breslau, 1934. S. 16–17.

⁴⁸ Jünger F. G. Spiegel der Jahre. Erinnerungen. S. 101.

⁴⁹ См.: Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland. S. 90.

го поколения. Но если экспрессионистская мифология войны исчерпывалась главным образом в поэзии и в меньшей степени в драме, то послевоенная литература о войне нашла аутентичное выражение в жанре реалистического, бытового романа, близкого к автобиографическому.

Жестокий опыт Первой мировой войны в 1920-е — 1930-е годы отразился в ряде фронтовых дневников и мемуаров. Это «В пасти дракона» («Im Todesrachen», 1919), «Огненный путь» («Der feurige Weg», 1926), «Такой была война» («So war der Krieg», 1927) Ф. Шаувекера и автобиографическая трилогия Э.Э. Двингера (Edwin Erich Dwinger, 1898–1981) о войне, сибирском плене, гражданской войне в России и возвращении в Германию («Армия за колючей проволокой», «Die Armee hinter Stacheldraht», 1929; «Между белыми и красными», «Zwischen Weiß und Rot», 1930; «Мы зовем Германию», «Wir rufen Deutschland», 1932). Наибольший успех имели фронтовые дневники и воспоминания Э. Юнгера: «В стальных грозах» («In Stahlgewittern», 1922), «Лесок 125» («Das Wäldchen 125», 1925), «Кровь и огонь» («Feuer und Blut», 1925), а также обширное эссе «Борьба как внутреннее переживание» («Der Kampf als innerers Erlebnis», 1922).

Ко второй половине 1920-х годов в немецкой литературе о войне, как левого, так и правого направления, на основе документализма и автобиографизма начинается поворот в сторону реалистического, социально-бытового романа, связавшего военный опыт с переживаниями послевоенной разрухи. Этот тип романа, названный Э. Юнгером «послевоенным романом» (Nachkriegsroman), создавался авторами разных идеологических направлений, в том числе и «консервативными революционерами». Не без их усилий на первый план выходит такая разновидность романа, как социально-бытовой роман о современности (Zeitroman), действие которого обычно разворачивается в большом городе. Интерес к урбанистической проблематике консервативно-националистические авторы разделяют со своими коллегами и оппонентами — экспрессионистами, авангардистами, позднее представителями «новой деловитости», анархистами, антифашистами. Кроме хорошо известных романов «Берлин, Александерплац» А. Дёблина, «Три товарища» Э.М. Ремарка, «Что же дальше, маленький человек?» Г. Фаллады и др., в ряд актуальных, в значительной степени автобиографических произведений о послевоенной урбанизированной и разоренной военным поражением Германии следует включить романы, принадлежащие перу авторов с правыми, националистическими убеждениями. Это «Изгои» («Die Geächteten», 1930), «Город» («Die Stadt», 1932), «Кадеты» («Die Kadetten», 1933) Э. фон Заломона, а также «О. С.» («O. S.», 1929) А. Броннена (Arnolt Bronnen, 1895–1959) и «Наемник и солдат» («Söldner und Soldat», 1935) Б. Узе (Bodo Uhse, 1904–1963).

Самым ярким романом о современности, вышедшим из-под пера автора, близкого к консервативно-революционным кругам, можно считать первый роман Э. фон Заломона «Изгои». Книга состоит из трех частей: в первой, названной «Рассеянные взрывом» («Die Versprengten»), на основании личного опыта автора рассказывается об уличных боях в Берлине и военных действиях в Прибалтике и Верхней Силезии в 1918–1920 гг. Вторая часть, «Заговорщики» («Die Verschwörer») описывает нелегальную деятельность правых террористических организаций в начале двадцатых годов. Ключевым эпизодом здесь выступает убийство Вальтера Ратенау, в подготовке которого, как известно, принимал участие Заломон. Третья часть, «Преступники» («Die Verbrecher»), повествует о тюремном опыте автора.

«Изгои» открываются выразительными, экспрессионистическими картинами гибели кайзеровской Германии. Старый мир погружается в туман бесформенности, в ат-

мосферу страха и смятения. Из тусклой, стирающей четкие очертания мглы доносится одинокий звук трубы — неоднозначный символ, выражающий как тревогу, так и надежду⁵⁰. Наступившей в Германии эпохе «безвременья» или «потерянности» с самого начала противопоставляется воинская «выправка», за нее и предстоит бороться рассказчику и одновременно главному герою книги⁵¹, который с первых страниц заявляет о себе как о националисте, патриоте единой Германии.

Эпизоды личной судьбы автора в романе перемежаются и комментируются историческими экскурсами и размышлениями. Германия 1918 г. сравнивается с революционной Францией 1789 г. Заломон призывает учиться у французов революции с тем, чтобы в своих, националистических целях использовать «красную энергию» подобно тому, как это сделал Наполеон, к которому автор романа относится с большим уважением⁵². Другой позитивный пример «узурпации революции» в интересах нации Заломон находит в Советской России и ее руководителях, — прежде всего в Ленине⁵³.

«Консервативная революция» у Заломона начинается не с 1914 г., который автор «упустил» из-за молодости, а с 1918, — с момента вступления широких масс в новейшую немецкую историю. Первая часть книги в этом смысле представляет собой опыт столкновения индивида с массой, болезненный, но в то же время необходимый для выработки собственной позиции.

Себя и своих соратников Заломон называет «экстатиками войны» (*Ekstatiker des Krieges*)⁵⁴, «лихими людьми», полными горючей смеси из героизма, безумия и потерянности, продолжающими сопротивляться в безнадежной ситуации поражения. В чем-то Заломон близок Ремарку — в том, что мировая война не закончилась, а обернулась войной гражданской. Но у Заломона гражданская война ведется ради понимания всего лишь одного слова. Как говорится об этом единственном слове в романе:

Слово было окутано глухим сумраком, изъедено временем; таинственное, оно манило, излучало магическую силу; ощущаемое, оно было недоступно познанию; горячо любимое, оно не было нам даровано. И слово это было Германия⁵⁵.

Новая Германия, которой еще только предстоит родиться, располагается на границах:

Германия находилась на границе. Статьи Версальского мира говорили нам, где находится Германия⁵⁶.

В любом случае — людям, подобным Заломону, в тот момент было ясно, что Первая мировая война разрубила все нити, связывающие Германию с Западом и, напротив, открыла путь на Восток, в сторону Советской России⁵⁷.

⁵⁰ *Salomon E. von. Die Geächteten. B., 1930. S. 9.*

⁵¹ *Ibid. S. 9.*

⁵² *Ibid. S. 23–25.*

⁵³ *Ibid. S. 25.*

⁵⁴ *Ibid. S. 120.*

⁵⁵ *Ibid. S. 72.*

⁵⁶ *Ibidem.*

⁵⁷ *Ibid. S. 123–124.*

Русская тема весьма заметна на страницах романа. Заломон и его товарищи по оружию вместе с русскими белогвардейцами воюют в Прибалтике против местных войск, поддерживаемых Антантой, а также сталкиваются с отрядами Красной Армии. Автор сочувствует русским — для него это такая же, как и немцы, нация, отчужденная либерально-буржуазным Западом от собственных исторических и культурных корней. Русское влияние ощущается и в стиле книги — взвинченном, лихорадочном, напоминающем русскую прозу начала XX в. — «Петербург» Андрея Белого (1913), «Конь бледный» (1909) или «Воспоминания террориста» (первое издание 1917–1918) Бориса Савинкова (В. Ропшин)⁵⁸.

Болезненный, рваный стиль Савинкова у Заломона переходит в «экстатику войны». Война ведется не столько на идеологическом, сколько на биологическом уровне, мобилизуя в человеке первичные, животные инстинкты. Непосредственное участие в кровавой драме одновременно обостряет наблюдательность; в этой особой «зоркости» Заломон как свидетель и участник описываемых им событий похож на упоминаемого им «простака» Симплициссимуса из одноименного романа Гриммельсгаузена⁵⁹.

Витализм и иррационализм немецкой национальной революции во второй части книги находят себе личного врага в фигуре министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау, с которым Заломона связывают особые узы любви-ненависти. Ратенау рисуется как воплощение «политики идей» или «политики справедливости». В глазах Заломона «буржуазно-демократические» идеалы, выражаемые Ратенау, архаичны и нежизнеспособны, но по-прежнему опасны, поскольку направлены на неприемлемое для «консервативных революционеров» соединение витального «тевтонства» с «дряхлой» латинской цивилизацией⁶⁰. Выстрелы в Ратенау — это одновременно, как пишет Заломон, удар по союзу Франкфурта и Веймара, Гёте и Ротшильда, Рима и Леванта, иными словами, — по союзу культуры и коммерции⁶¹.

В третьей части романа действие, перенесенное в тюрьму, замедляется и сосредотачивается на психологии заключенного. Центральным образом этой части становится «камера» (*die Zelle*) как первичная «клетка», из которой узник черпает силы для дальнейшего сопротивления:

Камера научила меня остерегаться вещей сделанных, а не выросших естественным образом; она научила меня понимать ту ненависть, которая заставляла угнетенных все самое дорогое жертвовать освобождению от крепостного труда, которая заставляла их, принуждаемых мыслить метафизически и склоняться перед ими же придуманной судьбой, мыслить материально и мечтать о счастье⁶².

⁵⁸ Заломон мог знать «Петербург» по немецкому переводу 1919 г. В случае с Савинковым биографические и эстетические параллели между двумя террористами, обратившимися к литературе, особенно очевидны. В ненапечатанных главах поздней книги Заломона «Опросник» он прямо называет Савинкова, чьи воспоминания также вышли в немецком переводе в 1919 г., героем своей юности. См. подр.: *Klein M.J. Ernst von Salomon. S. 111.* См. также немецкий перевод воспоминаний Савинкова: *Sawinkow B. Aus den Erinnerungen eines Terroristen. München, 1919.*

⁵⁹ *Salomon E. von. Die Geächteten. S. 228.*

⁶⁰ *Ibid. S. 313.*

⁶¹ *Ibid. S. 314.* Примечательно, что не один только радикал Заломон видит в Ратенау носителя смертельных для немецкой культуры «западных», либерально-буржуазных ценностей; подобным же образом, как выразителя враждебной Германии «культурной индустрии», Ратенау характеризуют такие разные авторы, как Ф. Блей, К. Шмитт и Р. Музиль. См. подр.: *Nienhaus S. Politische Theologie und intellektuelle Toleranz. Freundschaften Carl Schmitts vor 1933 // Völkische Bewegung — Konservative Revolution — Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur. S. 187.*

⁶² *Salomon E. von. Die Geächteten. S. 414.*

Именно в тюремной камере «десперадо» поворачивается к народному сознанию, к неистребимому материализму угнетаемых масс. В то же время в тюрьме горстка отверженных сталкивается с жестоким и лицемерным механизмом «перевоспитания», на самом деле подавляющим и «перемальвающим» личность, оставляя ей на выходе скудный набор инструкций и запретов. Немецкая тюрьма двадцатых годов, описанная Заломоном, демонстрирует системный характер принуждения в «гражданском обществе» Веймарской республики, формирующем не граждан, а скорее атомизированных и механизированных «верноподданных» нового массового общества. Еще до Дж. Оруэлла и других антиутопистов XX в. Заломон сумел показать, как с помощью регулярных процедур контроля и наказания власть (в данном случае демократическая) репрессирует биологические инстинкты в человеке, определяя их как преступные. «Буржуазно-гражданское» правосудие раскалывает народ как единое национальное целое, лишая его суверенитета. Абсурдные законы и партийная борьба в разделенном массовом обществе взаимосвязаны и подчинены общему «закону единообразия» (*das Gesetz der Gleichmäßigkeit*)⁶³. Так Заломон, подобно Константину Леонтьеву в статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», именуется основную движущую силу буржуазного миропорядка.

На последних страницах романа снова, как и в начале, появляется слово «смута» (*Wirre*). Но на этот раз его произносит человек, освободившийся из заключения, выстоявший в борьбе с холодной, тривиальной логикой усредненной «прямой линии». Теперь смута оказывает благотворное влияние:

<...> освещенная луной, одновременно смягчающей контуры и отбрасывающей тени, она, эта многоликая путаница, одна лишь способная вдохнуть жизнь в небеса, отныне придавала мне уверенность и выдержку⁶⁴.

«Изгои» носят исповедальный характер. Исповедальность подкреплена документальностью: в духе актуальной в то время эстетики «новой деловитости» Заломон использует элементы монтажа, включая в художественный текст политические манифесты, газетные статьи, выдержки из речей и различные документы, в том числе судебные. Роман написан от первого лица; но в ключевых моментах субъективно-экзистенциальное «я» сменяется идеологическим и поколенческим «мы». Тем самым «Изгои» перерастают рамки документальной, автобиографической прозы и претендуют на роль идеологического манифеста от имени национально мыслящей и, главное, национально чувствующей немецкой молодежи.

В другом автобиографическом романе, «Кадетах», Заломон описывает свой личный опыт столкновения с массовым существованием человека в больших городах и больших коллективных сообществах, таких, как казарма или завод. Если для пролетарских писателей исходным пунктом «перековки» индивида становится чаще всего фабрика, то для Заломона подобным местом является кадетский корпус с его казарменным духом, отличающимся особой концентрацией «воспитывающей» и дисциплинирующей жестокости, характерной для любой «подлинной иерархии»⁶⁵.

Заломон приветствует этот немилосердный диктат униформы, поскольку хочет видеть в ней не тоталитарный инструмент омассовления, а новое воплощение старой

⁶³ Ibid. S. 557.

⁶⁴ Ibid. S. 558.

⁶⁵ Salomon E. von. Die Kadetten. Hamburg, 1979. S. 47.

прусской идеи безусловного служения государству. Кадеты для него — «расцветающие бутоны государства». Здесь он следует за Новалисом, называвшим солдат старого времени цветами государства или «профанными энтузиастами»⁶⁶. В послесловии к «Кадетам», добавленном к тексту романа уже после Второй мировой войны, Заломон восторженно описывает новую, с его точки зрения, инкарнацию прусской кастовой идеи воинства и чиновничества. Это кадеты из Ленинграда:

Они выглядят так, как будто готовы по команде восстать из своей неподвижности и с диким воем обрушиться на Европу с тем, чтобы проглотить ее на десерт, — Европу, этот жалкий придаток великого континента⁶⁷.

К романам Заломона тематически и стилистически примыкают романы А. Броннена «О. С.» и Б. Узе «Наемник и солдат», также имеющие автобиографический характер и описывающие праворадикальную среду.

А. Броннен, начинавший свой путь как драматург-экспрессионист, уже в некоторых ранних пьесах объединяет революционный анархизм с националистической, порой антисемитской риторикой («Эксцессы», «Die Exzesse», 1923). С 1927 г. Броннен, до этого колебавшийся между левым и правым флангами политического движения в Германии, сближается с консервативно-революционными кругами, в частности, с Э. Юнгером. Важнейшим документом этого сотрудничества явился роман «О. С.», рассказывающий о военных действиях в Верхней Силезии, отошедшей после 1918 г. к Польше.

«О.С.», задуманный автором как «национал-большевистский» роман о немецком «фронтире»⁶⁸, поразил критиков и читателей милитаристской брутальностью и откровенностью сексуальных сцен. В центре внимания Броннена — не только столкновения между немецкими и польскими добровольцами в борьбе за Верхнюю Силезию, но и политические разногласия между немецкими коммунистами и националистами. На примере одного из героев романа, пролетария Кренека, Броннен пытается продемонстрировать преимущества национализма для униженного Версалем немецкого народа.

Стилистика романа, доведшего до абсурда идейную полемику в немецком обществе двадцатых годов, вызвала бурную дискуссию в прессе. «О.С.» был причислен критикой к романам о современности, написанным с правых позиций, — в одном ряду с произведениями Э. Юнгера и Э. фон Заломона⁶⁹. Роман Броннена сигнализировал о резком сдвиге авторского мировоззрения вправо, что было встречено одобрением у таких националистических критиков, как П. Фехтер⁷⁰ и Э. Юнгер⁷¹. В свою очередь, критики из левого лагеря обрушились на «О. С.» с уничтожающими рецензиями: так, Курт Тухольский определяет роман Броннена как «прощание литератора с литературой», а самого автора называет «фашистской флейтой-пикколо»⁷². От Броннена также дистанцируется друживший с ним Бертольт Брехт.

⁶⁶ Ibid. S. 52.

⁶⁷ Ibid. S. 231.

⁶⁸ *Aspetsberger F. Arnolt Bronnen: Biographie.* Wien; Böhlau, 1995. S. 452.

⁶⁹ Ibid. S. 482.

⁷⁰ *Fechter P. Ein mutiger Mann // Deutsche Allgemeine Zeitung.* Juni. 1929.

⁷¹ *Jünger E. O.S. // Der Scheinwerfer.* Jg. 3 (1929). H. 3. S. 29.

⁷² См. рецензию Тухольского под псевдонимом Петер Пантер: *Peter Panter. Ein besserer Herr // Die Weltwoche.* 25.06.1929.

Автобиографическая, документальная литература «консервативной революции», обращенная к актуальным проблемам Германии двадцатых — тридцатых годов, к темам войны и большого города, парадоксально сочетается с противоположной, мифологизирующей и «охранительной», историзирующей тенденцией, вырабатывающей, при всей своей подчеркнутой отвлеченности, объяснительные модели для идеологической и публицистической «злости дня». В 1930-е годы Э. Вихерт создает ряд произведений отчетливо идиллического, гармонизирующего характера, отражающих его поиски идеального человеческого существования за рамками ненавистной ему современной городской цивилизации: романы «Майорша» («Die Majorin», 1934) и «Простая жизнь» («Das einfache Leben», 1939), а также повести «Пастушья новелла» («Hirtennovelle», 1935) и «Тобиас» («Tobias», 1938)⁷³. Г. Бенн, Р. Борхардт, С. Георге, Ф.Г. Юнгер погружаются в атмосферу античности и «средиземноморского мифа». Этот интерес обусловлен прежде всего ницшеанской мифологией «вечного возвращения». В рамках реакции на прогрессистско-либеральную модель поступательного исторического движения архетипическими образами древней средиземноморской природы и культуры увлекались многие деятели искусства XX в. — П. Пикассо, Дж. Джойс, Э.М. Форстер, Д.Г. Лоуренс, Э. Хемингуэй, А. Камю и многие другие. Средиземноморский миф открывал различные художественные возможности — от возвращения к непосредственности, «примитиву» и дикости, стоявшим у истоков культуры и искусства, до композиционного принципа циклизации, позволявшего объединить в целостном произведении героическую архаику, утонченную идиллию и проблематичную современность.

Особое место в ряду консервативно-революционных «мифологов» занимает философ, поэт и романист Ф.Г. Юнгер. Его творчество в 1920-е — ранние 1930-е годы пронизано консервативными антидемократическими идеями. В 1926 г. он издает националистический манифест «Наступление национализма» («Aufmarsch des Nationalismus»), по стилю напоминающий «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. По мнению Ф.Г. Юнгера, Германия, воспользовавшись большевистской техникой захвата и удержания власти, должна стать националистическим, беспартийным государством из стали, построенным по принципу армейской иерархии с целью достижения мирового господства. Во второй половине двадцатых вместе со своим братом Эрнстом он сближается с «национал-большевистской» группой «Сопrotивление» («Widerstand»), организованной Эрнстом Никишем. В одноименном журнале Никиша Юнгер публикует свои первые статьи и эссе, в которых, среди прочего, критикует переход Т. Манна на либерально-демократические позиции.

Ф.Г. Юнгер не принял национал-социализм, расценив его как слишком «буржуазный», провинциальный и вульгарный. Он отверг нацистскую политику тотальной технизации и «уравниловки», в которой справедливо усматривал идеологию «омассовления». Гитлеровский режим отрицается в элегии «Мак» («Der Mohn», 1934). В характерном для зрелого Юнгера уклончивом, отсылающем к гётевской поэтической классике стиле нацизм именуется «громким воплем, называющим себя воодушевлением» (das laute Geschrei, das sich Begeisterung nennt)⁷⁴. На эту элегию из-за ее «сказочной агрессивности» (fabelhafte Aggressivität) против тогдашних нацистских правителей Германии обратил внимание Т. Манн, при этом дистанцировавшись от «старомодной» классицистской формы сти-

⁷³ Chick E.M. Ernst Wiechert and the Conservative Revolution // Monatshefte. Vol. 49. N. 3 (Mar. 1957). Pp. 97–107.

⁷⁴ Jünger F.G. Sämtliche Gedichte I / C. Jünger. Stuttgart, 1985. S. 44–46.

хов Юнгера⁷⁵. К «Маку» по своему замыслу близка «Песнь Прометейя» («Der Gesang des Prometheus»), в которой поэт устами античного титана предрекает гибель мира в «сто-летней немилосердной войне» и его погружение в ночную тьму⁷⁶.

В стихотворениях тридцатых — сороковых годов Ф.Г. Юнгер сближает «дионисийскую» и «аполлоническую» античность, осваивая в таких сборниках, как «Таурус» («Der Taurus», 1937), «Миссури» («Der Missouri», 1940), «Западный ветер» («Der Westwind», 1946) античные лирические размеры и жанры — идиллию, элегию, оду, гимн. Прежний интерес к первобытной мощи и «дикости» не исчезает, а, скорее, «снимается» в неоклассической медитативности и циклизации. В сборнике «Таурус» создается атмосфера трагической идиллии, в которой внеисторические пасторальные мотивы (например, стихотворение «Дары моря» / «Meeresfrüchte») встречаются с дионисийскими образами змеи и танцующей в круте огня саламандры (стихотворения «Песнь прощания» / «Abschiedslied», и «Уж» / «Natter»).

Книгу стихов «Миссури» можно считать поздней вариацией на темы «Западно-восточного дивана» Гёте. За «американским» названием скрывается новая попытка западно-восточного синтеза, объединения архаической, чувственной образности Востока и интеллектуальной мистики Запада. Синтез чувственного и идеального особенно хорошо удается Ф.Г. Юнгеру в стихотворении «Мельницы» («Die Mühlen»)⁷⁷. Метафора безостановочно кружащихся мельниц является здесь символом того порочного круга, в котором замкнулась современность. В стоне и скрежете мельничных колес, перемалывающих судьбы, мы узнаем страдания, причиняемые человеку «железным» двадцатым веком. Мельницу можно считать сквозным мотивом творчества Ф.Г. Юнгера: он встречается уже в одной из его ранних прозаических работ, опубликованном в 1939 г. рассказе «Лаура» («Laura»), где также вызывает страх и беспокойство⁷⁸. Постепенно мельница перерастает рамки автобиографического образа и становится символом технического опустошения и разрушения творческих сил природы, превращения плодородной земли в «скрежещущую машину» (Карл Шмитт)⁷⁹. Деструктивный, механистический образ мельницы у Ф.Г. Юнгера противостоит древней мельнице в повести Э. Вихерта «Тобиас», воплощающей закон «мера за меру».

Неоклассицистская поэзия Ф.Г. Юнгера впитала в себя тысячелетнюю европейскую поэтическую традицию, от Древней Греции до классиков и романтиков рубежа XVIII–XIX вв. Его лирика философична и музыкальна одновременно, в ней преобладают идиллические, гимнические и одические интонации. Один из его близких знакомых и соратников по консервативной революции, Э. Никиш, определил его как автора, имевшего в себе что-то от «светлого духа античности». По Никишу, Ф.Г. Юнгер видел вещи глубоко, отчетливо, без какого-либо мистического тумана⁸⁰.

Проза Ф.Г. Юнгера, с ее тематическим и жанровым многообразием, по замечанию литературоведа Андреаса Гайера, выражает важнейший импульс его творчества —

⁷⁵ Schramm G. Magisch-Mythische Bilderkraft. Zeitlose Ausstrahlung von Friedrich Georg Jüngers Gedichten // Mythen. Jünger-Studien / G. Figal, G. Knapp. Tübingen, 2007. Bd. 3. S. 161.

⁷⁶ «Untergang seh' ich zunächst, jahrhunderalten, / Unerbittlichen Krieg. Alles versinkt in die Nacht» (Jünger F.G. Sämtliche Gedichte. Frankfurt a.M., 1974. S. 38).

⁷⁷ Jünger F.G. Sämtliche Gedichte. S. 88–89.

⁷⁸ Jünger F.G. Laura // Die neue Rundschau. 50. Jahrgang der freien Bühne. N 1 (Januar 1939). S. 14–24.

⁷⁹ «Knirschende Maschine». Schmitt C. Theodor Däublers «Nordlicht». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. B., 1991. S. 61.

⁸⁰ Niekisch E. Erinnerungen eines deutschen Revolutionärs. Bd. 1. Gewagtes Leben. 1889–1945. Köln, 1974. S. 188.

встречу с чужим и незнакомым и последующее его освоение⁸¹. Этой задаче посвящены опыты Ф.Г. Юнгера в жанре новеллы («Пуговица», «Der Knopf», 1952; «Белый заяц», «Der weiße Hase», 1952; «Черные мальвы», «Schwarze Malven», 1965), рассказа («Фелицитас», «Felizitas», 1950; «Небольшое происшествие», «Ein kleiner Unfall», 1952; «Синий камень», «Der blaue Stein», 1952), повести («Ночные огни», «Nachlichter», 1952; «Петушиный гребень», «Hahnenkamm», 1952; «В монастыре», «Im Kloster», 1961), автобиографического фрагмента («Лаура»; «Время спаржи», «Spargelzeit», 1952; «В болоте», «Im Moog», 1978; «Венок», «Der Kranz», 1978), словесного портрета («Фрида», «Frieda», 1978), лирической ландшафтной зарисовки («Далматинская ночь», «Dalmatinische Nacht», 1949; «Отпуск», «Urlaub», 1952). Значительное место в прозаическом наследии зрелого Ф.Г. Юнгера занимают крупные романы, для которых также характерны автобиографизм, созерцательность, сосредоточенность на средиземноморском идиллическом ландшафте и отсутствие какой-либо злободневности. Это «Первый ход» («Der erste Gang», 1954), «Две сестры» («Zwei Schwestern», 1956) и посмертно опубликованный «Генрих Марх» («Heinrich March», 1979). К прозе Ф.Г. Юнгера также относятся его популярные переложения греческих мифов.

В творчестве Ф.Г. Юнгера соединились некоторые важнейшие тенденции «консервативной революции». Это, во-первых, пронизательная критика технократического и капиталистического мифа с его культом количественной исчислимости, утилитарности и рационального политического выбора, за которым, однако, скрывается всеобщая безответственность. Во-вторых, это стремление рассматривать проблематику XX в. сквозь призму национально окрашенных идеологий, в немецкой традиции обозначаемых как «мировоззрения» (Weltanschauungen). Наконец, это работа по превращению идеологии или мировоззрения в мифологию. Примечательно, что эта непростая и весьма рискованная работа по мифологизации «немецкой идеологии» привела к национал-социализму у Й. Геббельса или А. Розенберга, также являвшихся участниками консервативно-революционного движения, и к полному отречению от национального мифа у братьев Юнгеров.

Наряду с Юнгерами сближение нового мифотворчества, «мировоззренческого конструктивизма», историзма и критики культуры наблюдается в работах правоведа и философа Карла Шмитта. Творческий путь Шмитта начинался с увлечения современным искусством и литературой, в том числе дадаизмом. В одной из его ранних работ, посвященной эпосу его друга Теодора Дойблера «Северное сияние» («Das Nordlicht»), набросок неоромантической эстетики и натурфилософии, вдохновленный произведением Дойблера, завершается резкой критикой современной механистической эпохи, в которой царит «всеобщая подмена и дискредитация ценностей»⁸².

Католик и «децизионист»⁸³, Шмитт еще раз обращается к литературе в своем позднем трактате «Гамлет или Гекуба» («Hamlet oder Hekuba», 1956)⁸⁴, в котором на класси-

⁸¹ См.: Geyer A. Metamorphosen des Fremden. Über ein Motiv im Werk von Friedrich Georg Jünger // Mythen. Jünger-Studien / G. Figal, G. Knapp. Tübingen, 2007. Bd. 3. S. 107f.

⁸² Schmitt C. Theodor Däublers «Nordlicht». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. S. 61.

⁸³ Децизионизм (лат. «decisio», «я решаю») — «теория решения» как фундаментального момента проявления политического и главной инстанции для становления, изменения или укрепления правовой системы. Проще говоря, децизионизм — это «культ решимости и действия» (Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века // http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch31_all.html — Обращение к Интернет-ресурсу 10.02.2016).

⁸⁴ Schmitt C. Hamlet oder Hekuba. Der Einbruch der Zeit in das Spiel. Stuttgart, 1985.

ческом литературном материале рассматривает соотношение истории и мифологии. Шекспировский «Гамлет» служит Шмитту для развенчания принципа «автономии искусства», представленного в его трактате преимущественно шиллеровской драматургией. В пьесах Шиллера Шмитт видит не трагедию, а иллюзорный «трауэршпиль» (Trauerspiel, другие возможные переводы — «барочная драма», «трагическая драма»), адресованный немецкому просвещенному бюргеру-протестанту, привыкшему к комфортному потреблению искусства. Отвергая линию, идущую от немецкой эстетики XVIII в. к Мёллеру ван ден Бруку и Фрейду в XX в. и усматривающую в Гамлете «пассивный» вертеровский, проблематичный, а затем и невротический тип личности, Шмитт объясняет трагедию Шекспира, исходя из собственной идеи исторического табу, которую он в измененной форме заимствует у Фрейда. Историческое табуирование определенных событий и личностей (в данном случае — Марии Стюарт и ее сына, английского короля Якова I Стюарта), в свою очередь, порождает художественную мифологию.

Историческое табу в «Гамлете» взрывает мир театральной игры и иллюзии, поскольку шекспировская драматургия, в отличие от французской классической трагедии, еще не до конца различает такие «чистые» сферы духа и деятельности, как искусство, теология и государственная политика. Автономия шекспировского театра несовершенна, в ней существуют разрывы, позволяющие историческому времени с его загадками и запретами ворваться на сцену⁸⁵. В «Гамлете» такими «темными местами», обнаруживающими присутствие реальной истории в мире художественной иллюзии, являются, по Шмитту, табуирование вины королевы и деформация образа героического мстителя⁸⁶. Иными словами — Шекспир сумел то, что до него удавалось лишь античным драматургам и что не получилось у Шиллера и французов, — создать художественный миф из непосредственной исторической реальности⁸⁷. В этом смысле рассуждения Шмитта о театре Шекспира перекликаются с одной из тенденций «консервативной революции», стремящейся к «подрыву» принципа художественной автономии и созданию новой мифологии из социально-политической «злобы дня».

Итоги «консервативной революции» весьма противоречивы как с историко-политической, так и с эстетической точки зрения. «Революция справа» в Германии, как и ее «левая» предшественница 1918 г., потерпела поражение, оставив после себя недобрую память нацистского господства и Второй мировой войны. «Цезарианская революция» (А. Камю)⁸⁸ нацистов и фашистов готовилась и вызрела из разных источников, среди которых — интеллектуальное наследие правых мыслителей Веймарской республики (по их терминологии — «междущарствия»). В этом смысле полностью очистить от «коричневой болезни» произведения Э. и Ф.Г. Юнгеров, Э. фон Заломона, А. Мёллер ван ден Брука и других писателей этого направления вряд ли возможно, да и не нужно. «Консервативная революция» навсегда дискредитирована своими бросающимися в глаза слабейшими сторонами: агрессивным национализмом, антисемитизмом, трескучей беспредметной риторикой. За двусмысленными попытками героизировать войну и насилие и возвести расистские предрассудки в ранг мировоззрения нетрудно разгля-

⁸⁵ Ibid. S. 46.

⁸⁶ Ibid. S. 46.

⁸⁷ Ibid. S. 51.

⁸⁸ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 313.

деть тень партийной эстетики в духе Геббельса и Розенберга. В то же время, эстетика «консервативной революции» как часть более широкого правого идейно-эстетического комплекса не лишена известной провокационной привлекательности, характерной для воинствующего нигилизма, так как порождена общей для XX в. ситуацией дегуманизации человека, общества и искусства. Европейский «правый авангард» или «контрмодерн» (Gegenmoderne), прежде всего немецкий, не только провозгласивший крушение гуманизма на словах, но и во многих случаях приложивший руку к реальным преступлениям, в нашем случае может представлять интерес как показательный случай трагической и в конечном счете непростительной для людей, называющих себя художниками, слепоты.